

Хэ Гу молча смотрел вслед удаляющейся процессии, пока она не скрылась в конце улицы.

Янь Динье причмокнул губами:

— Только вчера слышал, что Ее Величеству императрице нездоровится. Старшая принцесса все эти дни была с Государем на охоте в Западных горах, а надо же — так быстро примчалась в Бяньцзин. Такая дочерняя почтительность воистину достойна восхищения.

Хэ Гу помолчал, а затем спросил:

— Та особа была Старшей принцессой?

Янь Динье подскочил поближе и заговорщицки зашептал:

— Наверняка она. Его Величество души не чает в принцессе. Каждый год на охоту он берет только наследного принца и её. Даже второго принца... Государь с собой не берет.

Хэ Гу покосился на него:

— А ты неплохо осведомлен. Знаешь всё — и что положено, и что не положено.

На лице Янь Динье проступила гордость:

— Ну, я ведь не ты, брат. Ты вечно с дядей торчишь в этой глуши, где птицы не вьют гнёзд... кхм, не об этом, не об этом сейчас.

Заметив, что тучи на лице Хэ Гу сгущаются, кузен поспешно сменил тему:

— В общем, есть у меня свои каналы... Тот господин Лю, что был со мной, он ведь... — Янь Динье огляделся по сторонам, на людную улицу, и кашлянул. — Брат, здесь неудобно. Позже всё тебе в красках распишу.

Хэ Гу было лень слушать сплетни. Он отвесил кузену увесистый щелчок по лбу:

— У тебя хватает времени заботиться о дворцовых особах, а о родном отце подумать не судьба? Твой отец...

Он осекся, вспомнив, что у его дяди, Янь Суна, еще не обнаружили чахотку. Хэ Гу не знал, радоваться ему или злиться. Радость была от того, что он вернулся в свои шестнадцать и теперь может найти способ укрепить здоровье дяди, не дав развиться смертельному недугу. Злость же вызывал этот бессердечный вид кузена. В прошлой жизни Янь Динье довел отца до смерти, но Хэ Гу тогда не было в столице. Позже бабушка с дедушкой, не вынеся горя, скончались один за другим, и Хэ Гу не успел проводить их в последний путь. Эта вина всегда камнем лежала у него на сердце.

После смерти близких в Бяньцзине не осталось никого, кто мог бы приструнить Янь Динье. Мать его, оставшись вдовой, окончательно в нем разочаровалась и махнула рукой. Кузена все презирали, он и сам терзался муками совести, но было слишком поздно — он окончательно опустился. Когда в той жизни Хэ Гу наконец добрался до столицы, он застал лишь руины семьи Янь и кузена, который целыми днями заливал горе вином.

При этой мысли взгляд Хэ Гу похолодел. Про себя он поклялся: если в этой жизни он не выбьет дурь из этого сопляка, то зря небо позволило ему переродиться.

Янь Динье не знал, о чем думает брат, но от этого ледяного взгляда у него мороз пошел по коже. Вспомнив свои опасения, он сглотнул и пролепетал:

— Это... брат... Мой отец и дед не знают, что я весь месяц проторчал в Хуаюэ. Давай договоримся: я туда больше ни ногой, а ты им ничего не скажешь? А то если они узнают, расстроятся ведь еще больше, верно?

Хэ Гу, держа поводья, ответил с каменным лицом:

— Ты так и тетушку дуришь? Она раз за разом покрывает твои пакости?

— ...Брат, давай по существу. Не надо про другое. Разве я не прав? Если сейчас рассказать...

Не успел он договорить, как неподалеку раздался радостный крик:

— Господин!

Хэ Гу поднял голову и увидел в толпе Чжэнье. Тот махал рукой, на его лице мешались радость и тревога. Слуга подбежал к ним, тяжело дыша.

— Наконец-то я вас нашел!

Хэ Гу нахмурился:

— Я же велел ждать в поместье. У меня дела, зачем ты примчался?

— Да не я это... — Чжэнье никак не мог отдышаться. — Старый генерал Янь и старая госпожа прибыли в поместье! Хоу-е велел мне немедленно вас разыскать.

Хэ Гу опешил:

— Дедушка и бабушка? Зачем они приехали?

Чжэнье, заметив рядом Янь Динье, удивился:

— О, и молодой господин Янь здесь? Вот и славно, возвращайтесь вместе.

Старики Янь с возрастом редко выходили в свет. Янь Динье, услышав, что дед с бабкой притащились в поместье Чанъян-хоу, тоже изумился, но быстро сообразил, чем это пахнет. Он замахал руками, жалобно причитая:

— Нет-нет, я, пожалуй, не пойду... Я ведь не посылая визитную карточку. Дядя только вернулся, мой внезапный визит будет некстати, я только помешаю...

Он уже намылился бежать, но Хэ Гу не собирался его отпускать. Он мертвой хваткой вцепился в воротник кузена. На губах Хэ Гу заиграла мягкая улыбка, которая в глазах Янь Динье выглядела как предвестие скорой казни.

— К чему такие церемонии? Мы же братья. Что такого в том, чтобы отужинать в нашем поместье? Зачем эти бумажки с визитами? Как раз дедушка с бабушкой там, потом вместе с ними и вернешься домой.

Так, против своей воли, Янь Динье был отконвоирован обратно.

Когда троица вернулась в поместье Чанъян-хоу, Хэ Гу отдал коня конюху. Стоило им войти за вторые ворота, как со стороны главного зала донесся звон разбитого фарфора — кто-то с силой швырнул чашку на пол. Хэ Гу почувствовал неладное. Он обернулся к Чжэньюе и тихо спросил:

— Что там происходит?

Слуга выглядел растерянным:

— Когда старый генерал и госпожа приехали, они сказали, что просто зашли на чашку чая. Пока я уходил, они с хоу-е мирно беседовали, не знаю, чего это они вдруг чашки колотить принялись...

Хэ Гу промолчал и ускорил шаг. Он вспомнил: в прошлой жизни бабушка с дедушкой тоже приходили устроить разнос в поместье, но толку было мало — они лишь получили порцию ядовитых любезностей от Вань-ши. Все в семье Янь были как на подбор: простые сердцем и крепкие телом. Никаких исключений. Включая покойную мать Хэ Гу — какой бы лихой наездницей и героиней она ни была до замужества, попав в поместье хоу и столкнувшись с Вань-ши, у которой в голове было десять тысяч интриг, она всё равно оказалась обманутой.

Действительно, еще не дойдя до зала, Хэ Гу услышал голос старой госпожи Янь. Голос у старушки был зычным, четким и суровым — судя по всему, со здоровьем у неё сейчас был полный порядок, что немного успокоило внука.

— ...В свое время я пожалела тебя, ведь Жо-эр* покинула этот мир совсем молодой. Гу-эр и Жун-эр были совсем крохами, и дому без хозяйки было бы худо. Ты в один голос твердил, что Вань-ши добродетельна. Мы с генералом долго колебались, прежде чем позволили тебе сделать её законной женой. И вот как она отплатила! Сразу видно — наложница навсегда останется наложницей. Сколько её ни возвышай до законной супруги, душа у неё останется гнилой. Знай мы, что так будет, костями бы легли, но не позволили бы внукам иметь такую мачеху!

— Теща, прошу вас, успокойтесь. Всё совсем не так, как вы думаете...

— «Как я думаю»? И что же я, по-твоему, думаю?!

Звук хлопка ладонью по столу эхом разнесся по залу. Янь Диньюе вздрогнул от этого звука как от удара плетью. Хэ Гу лишь мельком глянул на него и усмехнулся.

— Теперь, когда она подала данные Гу-эра императрице, навязывая его в зятя, об этом знает весь Бяньцзин! Ты хоть представляешь, что о тебе говорят, Хэ Наньфэн? Люди в глаза молчат, но за спиной смеются — мол, в поместье Чанъян-хоу мачеха спит и видит, как бы сгубить будущее детей прежней жены!

Хэ Гу вошел в зал. Его взору предстала старая госпожа Янь — раскрасневшаяся от гнева, бьющая по столу — и старый генерал Янь, который молча сидел в резном кресле из красного дерева, вцепившись в подлокотники с мрачным лицом.

— Гу-эр, ты вернулся? — Бабушка сразу его заметила, глаза её блеснули. Она замахала рукой: — Скорее иди сюда, дай я на тебя посмотрю. Ты столько времени провел в Чэнхэ, мне кажется, ты совсем исхудал.

Хэ Гу подошел, и старушка тут же крепко схватила его за руку. Чжэньюе сообразил принести табурет, и Хэ Гу присел рядом.

— Бабушка, я вовсе не похудел, вы слишком волнуетесь. Я даже подросток.

Он краем глаза глянул на сидевшего поодаль отца. Лицо того было темнее тучи, пальцы сжаты в кулаки на коленях — старый хоу явно был не в духе. Вань-ши сидела рядом — всё в той же синей юбке, выглядя хрупкой и незащищенной. Она примостилась на самом краешке стула, низко опустив голову, воплощая собой образ робкой и затравленной женщины.

Хэ Гу сохранил бесстрастное лицо, хотя в душе его поднялась волна тошноты. Он поспешно отвел взгляд.

— Ты только вернулся с отцом, и нам с дедом не стоило бы тревожить вас так скоро. Но твоя мачеха перешла все границы. Если бы мы не пришли, вас с Жун-эр в этом огромном поместье заживо бы съели, и ни одна живая душа не заступилась бы за вас! — сокрушалась старая госпожа, поглаживая внука по руке. Её ладонь была сухой и морщинистой, но теплой.

У Хэ Гу потеплело на сердце.

— Я виноват перед вами, бабушка, заставил вас волноваться.

— Твоей вины тут нет! — отрезала старуха и вскинула голову. На этот раз её взгляд, острый как клинок, вонзился в супругу хоу. — Вань Шу-эр! Я тут распинаюсь перед хоу-е уже битый час, а от тебя — ни звука. Что такое? Нечего сказать? Или хватает смелости только на пакости, а отвечать за них — кишка тонка?

Хэ Наньфэн попытался вмешаться:

— Она не подавала данные Гу-эра, императрица сама заговорила об этом...

Но тут заговорил молчавший доселе старый генерал Янь. Голос его был хриплым, но полным силы; в нем всё ещё чувствовалась властная уверенность человека, привыкшего командовать на поле боя.

— Замолчи. Пусть она сама объяснится.

Примечание:

Жо-эр — уменьшительно-ласкательное имя покойной матери Хэ Гу, урожденной Янь.

<http://bllate.org/book/15879/1615341>